

Не так давно редакция получила письмо от Ирины Ивановны Урюповой из Санкт-Петербурга. Она делится воспоминаниями о прошлом, рассказывает случаи из жизни, истории, поведенные ей друзьями и близкими. А подтолкнуло её к написанию такого письма в журнал чтение книги С. Ю. Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”, подаренной ей автором.

ИРИНА УРЮПОВА

РОССИЯ. СУДЬБА...

Трёхтомник “Поэзия. Судьба. Россия” по-настоящему историчен, а историчность его – лично пережитая, поэтому всё написанное так волнует. В ней замечательно отражён отрезок времени, который мы (всё наше поколение) прожили, но который, в сущности, плохо знаем. Книга действительно о судьбе страны и нашего поколения. Эту бы книгу в школу, старшеклассникам (прекрасное пособие для уроков истории и литературы) или студентам, чтоб начинали жизнь с открытыми глазами, а не как слепые котят (я лично долгое время относилась именно к этой категории).

Когда я начала его читать, он вызвал во мне волну воспоминаний о своей жизни. Вот глава о детстве. Я плакала, когда читала её. Та же безотцовщина, тот же леденящий душу холод и страх. Мой отец погиб в январе сорок четвёртого в Белоруссии, похоронен в братской могиле у деревни Вешняки под Витебском. Отчётливо помню, как прощалась с ним, когда мы провожали его на фронт (уже повторно, после десятидневного отпуска по ранению). Помню слова кого-то из солдат, “комиссованных” как негодных к дальнейшей службе и вернувшихся домой (в основном – калеки без руки или без ноги): “Обычно перед боем те, кому было суждено погибнуть в завтрашнем бою, ходили как в воду опущенные. Видно, предчувствовали свою смерть. Те, кому выпало ещё пожить, держались веселее”. Каковы же были думы у тех, кто предчувствовал свой смертный час?

Так вот, мы тогда знали, что с папой прощаемся навсегда. Никогда не забуду этой картины: морозный солнечный день, на дороге перед нашим старым домом лошадка, запряженная в розвальни, и в них военком, обязанный сопровождать отца в город, к пункту сбора. Я (кажется, тогда ещё первоклассница) мёртвой хваткой вцепилась ручонками в папу. Находившиеся рядом взрослые силой оттащили меня от него. А мне казалось: жизнь после этого должна кончиться...

Но неожиданно мы получили от него несколько писем, из которых узнали, что наши бьют фашистов хорошо, что он награждён медалью “За отвагу”.

Последнее письмо было о том, что он ещё награждён орденом Красного Знамени и что вступил в партию, чем вызвал недовольство моей очень религиозной бабушки (за то, что “все большевики – безбожники”). Я свои письма на фронт писала печатными буквами, при этом сумела сообщить, что у нас родился маленький братик, но что ещё не знаем, какое дать ему имя.

Следующее моё письмо на фронт осталось без ответа. Гвардии старший сержант Урюпов Иван Матвеевич погиб, так и не узнав имени родившегося уже без него младшего сына. Мама, в свои тридцать три года, осталась вдовой с выводком пятерых детей (из которых я была самой старшей), с жестоким ревматизмом суставов: бельё в деревнях в те годы женщины полоскали в проруби.

И всё же мне повезло: у нашей синеглазой пятерки имелись с обеих сторон дедушки и бабушки и две замечательные тётки – родные сёстры матери. И те, и другие берегли нас как могли. Ну, а самым сильным везением в те годы было то, что нам не нужно было куда эвакуироваться: наш райцентр на северо-востоке Оренбургской (в то время Чкаловской) области представлял собой глубокий тыл, куда, как говорили наши сельчане, “германец” не дошёл. Тыл жил, как натянутая струна, ожиданием вестей с фронта.

Помню, в нашем большом саманном доме (внутри, кстати, очень красивом и просторном) собирались старухи – бабушкины подруги и соседки. Здесь вместе оплакивалась каждая похоронка, читались молитвы, в которых просили у Бога защиты, молились о спасении мужей и сынов.

Я к тому времени была уже просвещённой барышней – освоила букварь и лихо читала (не вдаваясь в смысл) всё, что попадалось под руку. Бабушкины гости решили этому моему благоприобретённому дару найти разумное применение – усаживали меня за большой стол и приказывали читать для них вслух (сами они были неграмотными) сначала Евангелие (что я с удовольствием делала), а затем – обязательно – “Правду”, где были сводки с фронта. Их я тоже выпаливала громко и, как велела учительница, с выражением. Вскоре все тексты сводок я уже знала наизусть и произносила их, не глядя в газету: ведь сводки долгое время были почти одинаковы. Особенно назойливо повторялось слово “сдали”.

Однажды старухи пришли какие-то особенно возбуждённые, шумные и, как мне показалось, даже повеселевшие. А в их ставших вдруг по-праздничному звонкими голосах слышалось незнакомое мне раньше слово Вязьма.

Как всегда, они положили передо мной газету и нетерпеливо приказали: “Читай!” Я же, давно выучившая наизусть стиль военных сводок с пресловутым глаголом “сдали”, и на этот раз автоматом выпалила его в сочетании с незнакомым мне раньше названием Вязьма.

Что тут поднялось! Прежде всегда ласковые со мной бабушкины подруги вдруг превратились в мегер. Я видела их злые глаза, перекошенные от обиды лица. Они смотрели на меня так, будто я отняла у них долгожданный, выстраданный ими праздник. Мне казалось в этот момент, что они вот-вот меня растерзают.

А это и действительно был праздник – одна из первых побед Красной Армии, после долгих кровопролитных боёв освободившей от фашистских захватчиков город Вязьму, о чём и сообщил на всю страну репродуктор. Старухи потому и пришли в наш дом взволнованные, сомневающиеся (вдруг ослышались, вдруг недопоняли чего), чтобы развеять сомнения с помощью газеты (которую в тот момент только я и могла им прочитать) и ещё раз узнать долгожданную радостную весть. (Сумятица, которую я внесла, конечно, быстро разрешилась, сообщение о взятии Вязьмы мне пришлось читать им по слогам.) Сегодня, по прошествии послевоенных десятилетий, я часто вспоминаю об этом смешном и грустном случае и всё больше восхищаюсь слушательницами моих чтений. Какие же это были величественные, сильные, полные достоинства женщины. Они были частью нашего великого многострадального народа, и они жили одним дыханьем с Родиной.

Сейчас, когда оплёвывают нас, русских, устами пивоваровых и сванидзевых, нашу историю, я всё чаще вспоминаю тех неграмотных деревенских старух, которые были опорой страны в самые страшные для неё годы. Женщин, которые исполнили своё главное предназначенье перед Богом и людьми – родили и вырастили сынов-воинов, защитивших и спасших страну.

Нынешние молодухи такие высокие матери не держат в голове. А жаль. Ведь напади (не дай-то Бог) на страну очередной Гитлер, защищать нас бу-

дет не только нечем, но и некому: не нарожали женщины достаточного количества мужчин.

Сегодня на радио и телеканалах треск идёт по поводу провалов в сфере демографии. О грядущей демографической яме не говорит только ленивый. Но некоторые особо проницательные демократки подходят к теме с совершенно неожиданной стороны. Вот, например, на нашем петербургском 5-м канале в передаче “Открытая студия” недавно прошли общественные слушания по вопросу: “Нужно ли открывать в России публичные дома?” Пламенной защитницей этой “сверхактуальной” идеи оказалась известная “интеллектуалка”, не сходящая с телеэкрана, Мария Арбатова.

Слушая льющиеся с экрана в исполнении госпожи Арбатовой оды в честь вершины цивилизации в виде публичного дома, я невольно подумала: а не погостила ли она сама во время поездок по Европам в одном из таких вызвавших у неё восторг престижных учреждений? А может, ренту имеет от буйно расцветшей специфической “культуры”? Ещё почему-то вспомнилось немодное нынче слово “лесоповал”...

С проституцией, как и с повальным пьянством, необходимо бороться до полного искоренения. И то и другое – формы сокращения народа, то есть геноцид. Спившиеся мужчины и ставшие на путь греха и позора женщины лишают общество будущего.

Память (видимо, это уже старческое) вновь возвращает во времена военного детства. Я бы назвала те годы годами исчезнувшей национальной розни. Мы не знали слова “толерантность” (оно у каждого нормального русского вызывает идиосинкразию). В нём не было тогда надобности. В школе, где я училась, было немало ребят разных национальностей – татар, украинцев. Не помню случая, чтобы кто-то в ссоре, в мальчишеской драке унизил другого происхождением и национальностью. Да и ребята были отличные. Помню Юру Бадамшина, с которым поочерёдно читали романы Жюль Верна, рисовали карту и собирались, “когда подрастём”, отправиться в кругосветное плаванье. Рафаэль Мустафин – гордость школы, отличный математик и первый золотой медалист, после окончания истфака в Казанском университете, став уже известным специалистом в своей области, добился создания музейного комплекса в селе Мустафино (рядом с нашим райцентром), увековечив память своего земляка, замечательного татарского поэта Мусы Джалиля, замученного фашистами в Моабитской тюрьме.

Можно ли не уважать таких людей, к какой бы национальности они ни принадлежали, или не любить подвижников-учителей, которые воспитали героя Сталинградской битвы, Героя Советского Союза генерала Родимцева, чьё имя школа носит и по сей день?

Но есть, увы, и примеры другого рода. В годы Великой Отечественной войны для определённой категории людей театром боевых действий был, как известно, “Ташкентский фронт”. Таким, если не фронтом, то местом дислокации для этой публики, в те годы был и наш скромный райцентр. Нашествие на оставшуюся практически без мужчин деревню немалого количества “молодцов” призывного возраста, которые к тому же не сеяли и не пахали, а сразу взялись чем-нибудь заведовать, естественно, вызывало глухое раздражение местных жителей. Но до скандала дело не доходило: не до того было. А с окончанием войны все “заведующие” покинули наш далёкий от цивилизации край.

Остался лишь один из них, по фамилии Калина, сразу по приезду занявший должность заведующего районным отделением госбанка и решивший укорениться в нашей почве всерьёз и навсегда. Помню двух его симпатичных розовощёких дочек с прекрасными чёрными кудрями. А вот младшенький (не довелось уже лицезреть его и запомнить) окончил Оренбургский пединститут, в годы перестройки сделал головокружительную карьеру, потом он, по слухам, осел у Фурсенко и всю крушил, простите, “реформировал” нашу систему образования.

Простите, что так много пишу о личном. Но есть в трёхтомнике С. Ю. Куняева главы о событиях, которые жестоко прошли по судьбе дорогих мне родных людей. Я имею в виду главу “Шляхта и мы” из трёхтомника и журнальные публикации о Катяни. Я имею в виду судьбу своего деда по отцу Урюпова Матвея Ефимовича.

Он был лесник, причём очень любовно, хочется сказать, поэтично воспринимал природу (так же, кстати, безотчётно любил лес и мой отец).

Но и будучи лесником, дедушка успел поучаствовать в трёх войнах: в Первой Мировой, в гражданской а с началом Великой Отечественной он оказался на фронте в числе первых: повестка из военкомата пришла ему на два или три месяца раньше, чем его сыну – моему отцу.

К сожалению, не знаю всех перипетий, при которых он попал в плен в 1914 году. Но так уж вышло, что пережил он два плена – один германский, другой польский. О том, как бедовал там, рассказывал редко: видимо, тяжёлы были воспоминания, не хотел душу травить. Но кое-что порой прорывалось.

Мне всегда казалось, что нет ничего страшнее немецкого плена. Но, оказывается, есть – это польский плен.

Дедушка рассказывал: в германском плену, случалось, иногда везло: это когда бауэру (немецкому кулаку) требовался помощник в хозяйстве. Тогда хоть подкармливали. К тому же во время Первой Мировой войны вместе с русскими солдатами и офицерами в лагерях находились и пленные из Англии. О них заботились Красный Крест. Видя, как страдают от голода их товарищи по плену, англичане по-братски делились с ними содержимым посылок от Красного Креста. Деду моему благодаря этим посылкам его друг – солдат по имени Том фактически спас жизнь.

Ну, а в Польше ничего похожего не было. От голода и болезней ежедневно умирали сотни наших солдат. В материале Н. Райского (“Наш современник”, № 9 за 2010 год) фигурирует цифра погибших русских пленных в польском плену – 60 тысяч человек. Это ли не геноцид? В том же исследовании Райского приведён богатый справочный материал с жуткими фактами об условиях, в которых содержались пленные из России. Когда я читала этот материал, то, как говорится, волосы дыбом вставали.

И через весь этот ад прошёл мой дорогой, добрый и очень меня любивший дедушка.

Из его нечастых отрывочных воспоминаний почему-то лучше всего запомнилось одно, на первый взгляд, странное. О том, как в осеннюю и зимнюю стужу пленники с замиранием сердца слушали завыванье вьюги в трубе. И это, по словам моего деда, были самые счастливые мгновенья в их тогдашнем земном аду. Ведь завыванье вьюги напоминало им о родном доме, где так же зимними ночами шумел ветер в трубе.

Как же тошно сейчас смотреть на телевизионные кривлянья и пресмыкательство наших пораженческих комиссий перед нахрапистыми поляками, когда обсуждались и принимались решения по событиям в Катюни.

Исследования Станислава Куняева по польской теме, публикации Виктора Илюхина (как жаль, что его с нами больше нет), других авторов журнала – считаю всю эту работу подвигом.

Спасибо огромное за публикацию переписки с Георгием Свиридовым. Теперь, имея книгу, могу дать почитать своим друзьям номер журнала, где напечатаны его дневники.

С наслаждением читала (и ещё буду перечитывать не раз) главу о Рубцове – “Образ прекрасного мира”. Столько в ней стихов, и каких! И как великолепно сделано сравнение поэзии друзей и упражнений оппонентов. На одном полюсе – Поэзия, на другом словесная эквилибристика, порой изящная и остроумная, но не более того. Да, дар “глаголом жечь сердца людей” дан не каждому, умеющему складывать слова в рифму. К счастью, есть ещё россыпи этого дара, и нам, читателям, повезло. Значит, народ наш жив.

Очень тяжело было читать главу про Виктора Астафьева... про его отношение к своим же русским.

Кстати, хотелось бы прочитать не огульную ругань нас, русских, за наши пороки, в частности, за пьянство, а серьёзный исторический экскурс об истоках и первопричинах этого явления. Между прочим, на эту тему есть интересный материал – переписка Гавриила Романовича Державина с Екатериной II. Прошения его к ней написаны кровью сердца. А сведения о том, кто и как набрасывал на русских крестьян сети питейного рабства, многое прояснили бы и в сегодняшнем дне.

Очень умно поступил автор, что включил в трёхтомник фотографии и студенческие, и семейные. Они делают книгу очень близкой, как часть личной биографии, в том числе и моей. На одной из них я узнала трёх наших девочек. С Надей Брешковой (она в центре) мы жили в одной комнате на Стромынке. С Галей Федорцовой и Тамарой (фамилию её забыла) я, в одной трой-

ке, совершила свой первый и, к сожалению, единственный прыжок с парашютом (Господи, как давно это было! Кажется даже, что уже и не со мной...).

Молодец автор, что без всякого приглаживания и сокращений поместил в конце книги злобные послания тех, о ком сказал правду. Все мы должны знать, среди какого зверья живём. Спасибо за эту книгу.

А вот ещё один рассказанный мне моим покойным дедом эпизод, в котором, как в осколке зеркала, отразилась ещё одна трагедия нашего народа – раскол.

Почти после четырёх лет германского плена было решено всех оставшихся на территории Германии российских солдат и офицеров отправить назад в Россию.

Радости вчерашних пленников не было предела. Путешествие домой предстояло долгое и нелёгкое. Дед охотно рассказывал, как шла погрузка на пароход, в какие страны и порты заходили для пополнения запасов топлива, как едва не погибли во время шторма в Бискайском заливе. Затем благополучно пересекли Средиземное море, и – какое счастье! – вот оно, Чёрное море, это почти Родина. Чуть больше суток и, считай, ты уже дома.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Ведь шёл уже кровавый восемнадцатый год, и желанная Родина была объята войной, теперь уже гражданской, о которой прошедшие четыре года в плену солдаты имели самое смутное представление.

Но очень быстро всё прояснилось. Не зря старый пароход больше месяца тащил сотни вчерашних военнопленных вокруг всей Европы – их везли “на подмогу” барону Врангелю. Увы! Ожидаемой боевой единицы из этих измененных годами плена и трудной морской дорогой людей не получилось. Но разделение на белых и красных произошло сразу же на палубе ставшего у пирса парохода.

О случившемся дальше дед без волнения и слёз уже не мог говорить.

А у меня и сейчас, спустя много лет после его ухода из жизни, будто стоит перед глазами рассказанная им сцена: как стояла, в окружении сотни солдат, понурился голову, будто приговорённая к смерти, небольшая группа офицеров (их было всего восемь человек), как были опущены в ожидании возможной страшной участи их головы. Затем старший по званию, обращаясь к солдатам, произносит, по существу, фразу-приговор:

– Ну вот, теперь мы – ваши враги. И вы можете нас расстрелять.

И тут я, в то время ретивая комсомолка, задаю деду идиотский вопрос:

– Ну и что вы сделали?

К счастью, дед ответил:

– Что ты, дочка! Такого греха мы на душу не взяли. В тот день мы прощались с нашими командирами. Обнимались, плакали. Потому что знали: прощаемся навсегда! Они, все восемь, пошли к Врангелю. А мы – кто куда. Большинство, конечно, домой. Но были и такие, что сразу пошли к красным.

Такая вот историческая несообразность: на чужой земле, где вместе горе мыкали, были братьями, на своей, не успев на берег ступить, стали врагами. Нашу национальную трагедию – раскол среди своих – мой дед Урюпов Матвей Ефимович испытал в своей личной судьбе и, слава Богу, остался человеком.

Деревенские бабушки, рядом с которыми прошло моё детство, знавшие гражданскую войну не из книжек, говорили о ней так: “Нет хуже войны, чем та, в которой брат идёт на брата, а сын на отца. Грех это непростительный!”.

Так, Богом не прощённые, мы и живём. Роковая черта, разделившая нас, русских, в том страшном восемнадцатом году, не преодолена и до сих пор. Сегодня она даже углубляется.

* * *

Помню, года два назад в одной серьёзной, в целом хорошей питерской газете была напечатана странная статья. В ней молодой задиристый журналист смело, как ему казалось, “обличал” Льва Николаевича Толстого за ненужные, с его точки зрения, длинноты в романе “Война и мир”. При этом он предлагал знакомить массового читателя с “усечённым” творчеством Толстого, оставив его гениальные исследования человеческой души лишь узкому

кругу маститых учёных-литературоведов. Прочитав этот выдающийся по наглости опус, я опешила и вспомнила, как происходило приобщение к великой русской литературе нас, сельских школьников конца сороковых – начала пятидесятых годов.

Итак, обычная школа-районка, каких были тысячи в стране. Наш 9 “А”, как и миллионы ровесников, после уроков отправляется по домам. Короткий обед, помощь родителям по хозяйству, выполнение домашнего задания. А часам к 6–7 вечера вновь дружно возвращаемся в школу.

Директор школы Андрей Степанович Голубничий, он же преподаватель литературы, ввёл жёсткий порядок – по вечерам обязательно возвращаться в школу на дополнительные занятия. Этакая “продлёнка” для повзрослевших детей, в которой мы впервые учились читать серьёзную литературу, наслаждаться ею. Во всяком случае, “Войну и мир” мы прочитали, что называется, от корки до корки, без всяких купюр. Читали вслух, поочередно, оттачивая при этом дикцию, учились глубже понимать мысль писателя.

Каким же счастьем были для всех нас эти “дополнительные занятия”! Сейчас я их вспоминаю как прекрасную зимнюю сказку: на дворе мороз за тридцать, на ночь школу не топили, мы шли туда в валенках, полушубках, девчонки в пуховых платках, в классе сидели, не снимая тёплой одежды, слушали и читали великую книгу.

Уходили мы с этих занятий с какой-то тайной радостью в душе. На улице уже царилась ночь, кое-где вился дымок из труб. Дома утопали в снежных сугробах, а над нами – звёздное небо, прекраснее которого нет ничего на свете. Матери не роптали из-за позднего возвращения. Знали: если мы с Андреем Степановичем, значит, все при деле и ничего плохого ни с кем не случится.

Шёл тысяча девятьсот пятидесятый год. Страна залечивала раны войны. А юность преодолевала душевные раны – из-за не вернувшихся с фронта отцов. Это был возраст, когда мы жили ожиданием счастья: ведь перед нами открывалось будущее.

А есть ли будущее у сегодняшнего юношества, у сыновей и дочерей тех родителей, кто “не вписался в рынок”? Что может предложить им общество преданной, оболганной, оклеветанной страны? Может быть, перед ними откроются двери коммерческого университета, где ректором азербайджанец Гейдар Мамедович Иманов, где, по аттестации самого ректора, будет даваться лучшее в мире образование? Да только вопрос – кому?.. Официально новая “альма-матер” создана для обучения студентов из стран Азии, Африки и Кавказа. Не возбраняется вход в царство знаний и русским. Да только есть маленькая закладка: обучение в этом замечательном вузе стоит 30 тысяч рублей за один семестр. Можно ли представить дочь сельской учительницы или паренька из семьи рабочих студентами этого блестящего вуза? Да даже при самом пылком воображении это непредставимо.

* * *

Помню, ещё в начале 90-х годов, на заре перестройки, меня заинтересовала личность ныне уже покойного отца Александра Меня. В одной из газет появилось его новогоднее обращение ко всем людям планеты. Написано оно было образно, страстно, на прекрасном русском языке. При этом текст был сопровождён справкой: по национальности еврей, Александр Мень принял православие, получил сан и стал священником русской православной церкви.

Факт, согласитесь, неординарный. О человеке, который решился на такой смелый шаг, захотелось узнать побольше, и я отправилась в свою районную библиотеку. В читальном зале мне сразу же выдали увесистый двухтомник, в котором отцом Александром со всей научной доказательностью и, повторяю, хорошим образным языком излагались его взгляды по национальному вопросу. Не одна страница была посвящена истории еврейского народа и особенностям его национального характера: могучему интеллекту, тонкой душевной организации, несомненной музыкальной одарённости. Словом, это был гимн во славу еврейского народа.

Признаться, мне не захотелось вместе с автором изучать тот “талмуд” от корки до корки, да и житейская ситуация не позволяла: возраст всё-таки не студенческий. Но доминанту его мысли об интеллектуальном и нравствен-

ном превосходстве евреев над всеми прочими народами и о том, что русские должны быть благодарны судьбе за счастье единения с таким народом, эту мысль я хорошо усвоила.

Автор, впрочем, в том своём исследовании признавал кое-какие добродетели и за нами, грешными. По его мнению, открытость и доброта русских в сочетании с умом и тонкой душевной организацией евреев – прекрасная основа для слияния и вечного союза двух народов.

Если было бы так, кто бы возражал? Но почему у нас порой принимаются законы, упрямо направленные против государствообразующего народа? Почему в развязно-оскорбительном тоне позволяют себе говорить о России и русских участники передач на ведущих телевизионных каналах? Может, им кажется, что нас, грешных, уже и не существует, а потому можно публично вытирать ноги о русский народ? Ведь за такие оскорбления русских в России никого не судят! В частности, нельзя не вспомнить о прошедшей в минувшем декабре омерзительной передаче телеведущего Павла Лобкова “НТВшники”. По уровню беспардонности и бесстыдства эта передача вызывает ассоциации с какой-нибудь стриптизёршей из ночного клуба, не стесняющейся показывать публике свои срамные места. Дискутировали по проблеме мирового масштаба, в которой ломают копья историки самых разных направлений и научных школ. НТВшники пытались судить-рядить об исторической общности под названием “Русский народ”!

Однако с первых же минут передачи стало ясно, что цель разговора – облить нас грязью, поставить под сомнение само её существование.

Судить же о народе, создавшем великую цивилизацию, освободившем мир от фашизма, с позиций отвязного русофоба – это и в самом деле душевная срамота.

Свои впечатления от этой поражающей убожеством и бесстыдством передачи и от её ведущего хочется закончить словами Льва Николаевича Толстого, сказанными им об одном из своих персонажей: “Он закончил университет и потому был глуп чрезвычайно”.

Осуждая русский народ за пьянство, напомним, откуда растут ноги этого губительного порока русских. Уж не из тех ли давних времён, когда в результате раздела Польши после победы над Наполеоном по великодушному разрешению российского императора хлынули на наши южнорусские земли представители племени, которые не сеяли, не жали, а богатели исключительно за счёт шинкарства. Именно те шинки и стали вирусом, который поразил русский народ на века.

В наше время, по моим личным наблюдениям (возможно, они расходятся с официальной статистикой), расцвет массовых возлияний приходится на 60–70-е годы и по времени совпадает с принятым по инициативе Н. Хрущёва законом о ликвидации “неперспективных” деревень. Сколько же вреда принёс экономике страны тот антинародный закон! И что пришлось испытать людям, оказавшимся по сути изгнанными со своих родных мест, из отчих домов, построенных ещё руками отцов и дедов. Шло, в сущности, уничтожение сельского хозяйства и отрыв крестьянства от труда на земле.

Исполнение того чудовищного закона проходило без особых церемоний. В приговорённых к ликвидации “неперспективных” сёлах закрывались в первую очередь школа и фельдшерский пункт, магазин, почта, клуб и, конечно, само правление колхоза или лесхоза, которое руководило всем ходом жизни и труда большой вверенной ему территории.

Вскоре на месте бывшего родного очага каждой уехавшей искать счастья семьи остались лишь печные трубы да заросли бурьяна. Люди ощутили себя ненужными, многие открыто выражали обиду и злость: ведь отнимал у них неизвестно кто и зачем их малую Родину. Особенно бушевали побывавшие на фронте старики, уж они-то, как никто истосковавшиеся за годы войны по родному краю, по тому уголку земли, который будто заноза сидит в сердце у каждого человека, воспринимали всё происходящее как предательство, как нож в спину.

Посёлок Мячино. Его первый ещё дореволюционный основатель, несомненно, был человеком, наделённым чувством прекрасного, потому как выбрал место для своего постоянного жительства на той волшебной меже, где отроги Уральских гор плавно переходят в бескрайние оренбургские степи. Горы поражали воображение не только разнообразием лесного покрова. Каждый склон имел свою растительность, но ещё и водопады. Водопады – это

дарованное Богом чудо природы. Жители села называли водопады родниками и обычно говорили между собой: “Пойдём к нашему роднику”. Вкуснее, чем вода из этих падающих сверху родников, кажется, нет ничего на свете.

Такой вот уголок земного рая (для людей, родившихся в нём, он всё равно что образ Божий в душе, а точнее, образ малой Родины) и был записан властями в неперспективный и приговорён к ликвидации.

Спустя много лет, когда уже не было на том месте ни лесхоза, ни разбредшихся по белому свету его жителей, не было в живых и моих дорогих стариков, я поехала туда навестить их могилы. Дорога из районного центра до места бывшего лесхоза была лёгкой, благо, брат к тому времени обзавёлся “москвичом”. Но по приезде при взгляде на окружающее защемило сердце: всюду мерзость запустения. Кладбище, заросшее травой, никем не ухоженные могилы. На месте когда-то добротных деревянных домов лишь остовы печных труб да заросли крапивы. По-прежнему, правда, шумели водопады, и родниковая вода была вкусна, как и прежде. Но где же та пронизанная светом берёзовая роща, будто сошедшая с полотна Куинджи? Любимая всеми роща, которой восторгались и стар, и млад? Где же она? Нет, она никем не спилена, не украдена. И всё же её нигде не было. На месте рощи теперь стеной стояла непроходимая чащоба. Роща, брошенная людьми, осиротевшая, неухоженная, состарилась и одичала.

Подобная же участь постигла и любимый нами Пушкин Лог. Помню, сколько я ни пыталась узнать у местных жителей тайну названия – почему лог связан с именем Александра Сергеевича Пушкина, – мне не удалось. Что, конечно, никак не отразилось на его красоте. А красоты он был неопишущей: протянувшийся чуть ли не на два километра вдоль склона горы чисто черёмуховый лес. В пору цветения это был не лес, не сад. Это была какая-то небесная музыка. Ну, а когда отцветала черёмуха, лес подвергался нашествию нас, ребятни: сладковатыми чёрными гроздьями мы наполняли наши желудки и туески, что впрочем, нисколько не вредило красавице-роще.

Но со времени моего последнего приезда в дороге сердцу места и эта роща-сад превратилась в непроходимую стену бурелома.

В годы Великой Отечественной войны лесхоз этот был практически женским. Всем ходом его жизни, организацией труда заправляли вдовы и те немногие, к которым всё же вернулись оставшиеся в живых мужья. И в войну, и в ещё очень трудные послевоенные годы они тащили на себе весь груз сельскохозяйственных работ, груз, который, как известно, длится от зари до зари: сеяли и выращивали хлеб, кормили и содержали скот, растили детей, всем, чем могли, помогали фронту. Вспоминая себя девочкой, я видела возле себя этих усталых, измученных, часто плачущих и не только из-за потерь близких на фронте, а от боли в руках женщин. Вопреки всему они не переставали делать то, ради чего был создан и существовал лесхоз, – сажали, прореживали, чистили, берегли от пожаров лес. Помню самую привычную фразу в их разговорах друг с другом: “Пошли полоть лес”.

И пололи, обогащали здешнюю флору, к примеру, ранее не росшими в этих местах соснами или особой породы клёнами. А это ведь не скверик возле городской пятиэтажки. Лес – это километры обихоженной, украшенной роскошными деревьями земли.

И вот этот лесхоз с его героическими женщинами, и тысячи других таких же лесхозов и колхозов в 60-х годах по решению тогдашнего генсека было решено записать в неперспективные, то есть ликвидировать...

Не удивительно, что в стране возник самый настоящий продовольственный голод, а в городах образовалась странная прослойка людей под названием “понаехали тут”.

Помню, когда возвращалась из последней своей поездки в родные места, везший меня из районного центра в город шофёр грузовика почти на пальцах обрисовал мне картину происшедшей трагедии.

– В каждом дворе такого “неперспективного” села имелась своя Бурёнушка или Красавка да плюс приложения в виде одного-двух телят и пары телочек. Когда вступил в действие этот разбойничий хрущёвский закон, все бурёнки и красавки со всей их роднёй пошли под нож.

Я говорю о судьбе личных подворий. А ведь в каждом приговорённом к ликвидации колхозе или совхозе имелось ещё и общее колхозное или совхозное стадо. Колхозных коров и овец ждала та же участь – скотобойня...

В одном только Шарлыкском районе Оренбургской области было зачислено в “неперспективные” не меньше полутора десятков небольших подобных мячинскому лесхозу деревенок. А сколько их было по всей Оренбургской области? А сколько по стране?!

Да, тот подлый хрущёвский закон смерчем пронёсся по нашей огромной стране, начисто уничтожая целую отрасль сельского хозяйства – животноводство. А сколько людей, бывших коренных жителей тех исчезнувших деревень, лишились не просто крыши над головой, из их жизни ушло нечто более дорогое – само понятие “отчий дом”! Многие уже в тот период ощутили свою ненужность обществу, стране.

Последствия тотального уничтожения бурёнок и овец (этакий коровий холокост) ощутили на себе жители всех городов и сёл Союза. Помню, когда доводилось летать на наших красавцах “Илах” рейсами Свердловск–Новороссийск–Чита–Хабаровск или Челябинск–Иркутск–Чита–Хабаровск–Владивосток, пассажиров в воздухе уже не угощали вкусными завтраками или ужинами. В аэропортовых буфетах тоже было пусто. А во Владивостоке в меню многих столовых и чайных подавалось странное блюдо – говяжьи котлеты из китового мяса.

Сегодня, вспоминая ту из 60-х годов прошедшую у меня на глазах трагедию “неперспективной” деревни и сопоставляя её с теперешним опустыниванием миллионов гектаров российских территорий, я пришла к мысли, что вся тогдашняя канитель с “неперспективными” деревнями – это не просто ошибочная линия партии, как принято думать. Это было начало сатанинского плана по сгону русских людей с их родной земли.

Сегодня изгнание, точнее, выдавливание русских уже не из деревни, а из города, да и из самой системы жизни идёт форсированными темпами. Особенно заметно это на примере взаимоотношений с мигрантами. Я не имею в виду крайности в виде экстремизма с той или иной стороны. Приведу лишь ставшие уже привычными факты обыденной жизни. Общеизвестно мнение работодателей и чиновников: русские не любят работать дворниками, не любят вообще чёрную работу, часто увольняются, так как недовольны зарплатой.

Получается парадокс: русские, выходит, сами добровольно отдают приезжим свои не очень престижные и малооплачиваемые рабочие места. Приехавшие гости, а приезжают они не в одиночку, а целыми кишлаками и аулами, дружно берутся за любую, самую тяжкую и низкооплачиваемую работу. При этом побеждают не уменьем, а численностью. И очень скоро благодаря коллективному нажиму уже сами ставят условия, выбивают себе и землякам зарплату куда большую, чем та, которую получал отказавшийся от должности дворника их русский предшественник.

Несколько лет назад мне пришлось читать мемуары замечательного русского флотоводца, адмирала С. О. Макарова. Запомнилась одна показавшаяся мне тогда странной фраза, которую он произносил в назидание молодым матросам. Любой труд, убеждал он, даже самый тупой, на первый взгляд, бесполезный, лишённый всякого творческого начала и даже смысла, всё равно полезен человеку, ибо поможет ему не потерять саму способность к труду, держать себя в рабочей форме и в готовности к большому делу. Вот об этом бы не забывать нам и нашим “властям предержащим” и всем любителям приглашать в страну неисчислимую рать помощников с юга.

В предвыборной программе Владимира Владимировича Путина отчётливо прослеживается цель: не дать превратиться потоку мигрантов в нашествие орды. Пути для этого найдены, казалось бы, самые гуманные: создание для гостей хороших бытовых условий, возможности для получения хорошего образования, а в будущем и для профессионального роста, приобщение их к великой русской культуре.

Что ж, программа разумная, а для самих мигрантов просто замечательная. Только вот вопрос: не обернутся ли будущие успехи гостей, бегущих к нам сейчас из своих “суверенитетов”, сужением жизненных возможностей для русских людей? Ведь именно эти вышеназванные проблемы ещё очень далеки от решения. А если учесть, что наплыв миллионов мигрантов в страну создаёт просто райские условия для коррупционеров всех мастей, то ясно, как необходимы здесь чувство меры и осторожность, которая должна быть сравнима с работой хирурга, чьё главное правило, как известно, не навреди!